

Софья Ремез

Одиннадцатый

год жизни

Гоши
Кунцына,

ученика
5 „И“ класса

КомпасГид
издательский дом

Софья Ремез
Одиннадцатый год
Гоши Куницына,
ученика 5 «И» класса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68002506

*С. Ремез. Одиннадцатый год жизни Гоши Куницына, ученика 5 «И»
класса: ООО «Издательский дом «КомпасГид»; Москва; 2021
ISBN 978-5-00083-663-7*

Аннотация

Помните книжку «Заметки Гоши Куницына, ученика 4 „А“ класса»? Теперь пятиклассник Гоша хочет быть писателем. Но он уже настоящий писатель! От его живых, по-доброму весёлых заметок не оторваться.

Выдумщик Гоша прекрасно учится, не боится выражать своё мнение и быть не как все. Да он даже слушает Генделя, пока друзья предпочитают рэп! Но Гошу любят все, ведь с ним никогда не бывает скучно. Он может придумать целый сборник сказок братику, который теперь тоже – важная часть Гошиной жизни, помочь одноклассникам наладить отношения, устроить романтическое свидание собственным родителям... Даже если не всё идёт как было задумано, в итоге получается отличная история – и у Гоши Куницына, и у придумавшей его Софьи Ремез.

Продолжение историй о Гоше понравится и ровесникам Гоши, и их родителям. Ребятам – из-за обаятельного героя, с которым сразу же хочется подружиться. Взрослым – потому что рассказы Софьи Ремез своей легкостью и добрым юмором так похожи на книги из детства, но при этом невероятно современны. Чего только стоят шутки про родительский чат!

Содержание

По-братски	6
Бесплатный автобус	18
Все сказки только про волка	27
Зависть	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Софья Ремез
Одиннадцатый год
жизни Гоши Куницына,
ученика 5 «И» класса

© Ремез С., текст, 2021

© Рязанцева М. В., иллюстрации, 2021

© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
2021

*** * ***

Ларисе Вайнштейн и Анне Ремез

По-братски

Мне одиннадцать лет. Одиннадцать. Мне не два года. Даже не три. Я учусь в пятом классе. И мне всё равно нравится играть с игрушечной железной дорогой.

– Гоша! Не отнимай! Ну тебе же не два года! – так говорит мама. Но мама говорит так только потому, что ей самой не интересно собирать конструкторы. А вот папа меня понимает! Всё началось с того, что мама нашла на даче остатки моего детского набора – деревянной железной дороги без вагончиков. Мы с папой сначала не обратили внимания, а потом случайно увидели в магазине почти такую же новую дорогу,

фрагменты которой идеально подходили к старой. Продавались и подходящие вагончики! И мы решили купить всё это Серёжке.

Мы купили набор, забрали старый с дачи и привезли домой.

– Серёжка сам не соберёт, давай ему поможем, – предложил папа.

– Конечно, поможем, – воодушевлённо отозвался я.

Мы устроились на полу и разложили деревяшки. Я достал из Серёжкиных ящичков с игрушками разные детальки, и мы начали делать сложную многоуровневую дорогу с подъёмами и спусками, собирая из конструкторов опоры.

– Мам, убери Серёжку в другую комнату! Он везде ходит и всё ломает! – попросил я.

– Так вы же для него собираете! – возразила мама.

– Ну так мы сначала соберём, а потом уже дадим ему паровозики катать! – строго сказал папа.

Возились мы долго. Сначала собрали несколько вариантов разной сложности, потом тестировали вагончики (насколько быстро они ездят по изгибам дороги). Пришлось несколько раз улучшать конструкцию, вносить изменения в маршрут.

– Пустите уже Серёжку! – кричала мама из кухни. – Он с вами хочет!

Мы и сами знали, что хочет. Серёжка молотил в дверь кулаками и звал попеременно то меня («Га-га-а-а-а»), то папу («Па-а-а-а-па-а-а-а»), громко хныкал и топал ногами.

– Пока рано, – объяснял я брату из-за двери.

– Серёжа, мы тебе сейчас такую дорогу сделаем! – кричал папа.

– Ты даже не представляешь, какое счастье тебя ждёт! – вторил папе я.

Серёжка действительно не представлял. Ему, конечно, хотелось играть прямо сейчас. Потому что он ещё маленький, нетерпеливый и не понимает, что сначала дорогу нужно собрать и проверить!

Наконец Серёжино терпение закончилось. Он пошёл на кухню и за край юбки вытянул оттуда маму. Он тащил её к нашей двери и ябедничал.

– Га-а-а-га, – жалобно ныл он. – Па-а-а-а-па, ту-ту-у-у-у-у-у.

Серёжка никак не хотел понимать, что нужно иметь терпение!

Наконец с маминой помощью братец ворвался в комнату и вместо того, чтобы по всем правилам катать паровозик, облокотился о самую хрупкую часть конструкции и всё испортил. Но мама всё равно потребовала, чтобы мы Серёжке «предоставили возможность». Ну мы и предоставили. С грустью я наблюдал, как рушатся результаты нашего с папой труда.

На следующий день папа ушёл на работу, я вернулся из школы рано и незаметно юркнул в свою комнату – собирать дорожку, пока братец не заметил. Но разве что-то можно скрыть от такого любопытного носа?! Серёжка бросил все свои дела и побежал ко мне – чтобы мешать мне играть с деревянной дорожкой. Вот тут и началось.

– Гоша, не отнимай! Тебе же не два года!

Мне очень захотелось, чтобы мне было два года, даже полтора! Чтобы быть младше Серёжки и иметь на игрушки больше прав. И так мне обидно стало, что я строю, а он ломает! И даже пожаловаться некому – засмеют. Скажут: «Что ты, как маленький, в игрушки играешь?» – хотя сами-то тоже наверняка играют, когда никто не видит!

– Лучше пойдешь сделай уроки! Серёжа займётся дорожкой и

не будет тебе мешать!

– Как же, не будет он! Ещё как будет! Сначала сломает до-рогу, а потом залезет на стул и будет у меня карандаши тас-кать. И ручки. И стены разрисовывать, а потом и всё вокруг.

Мама считает, что из Серёжки обязательно получится ху-дожник.

– Посмотри, – говорит она, – как он плавно проводит ли-нии! Как уверенно держит фломастер!

Это она так комментирует Серёжкино «творчество», по-ка он портит своими каракулями все доступные для него по-верхности в моей комнате. А я вот считаю, что с таким под-ходом из Сергея не художник вырастет, а хулиган.

Я сел в папино кресло и задумался. Серёжкина жизнь – одно удовольствие! Он только и делает, что играет. У него всего два повода для расстройств – одевание и мытьё. Даже зубы ему чистят не каждый день – жалеет его мама. Говорит:

– Ну ладно, Серёженька, если ты совсем не хочешь...

А моя жизнь – сплошная беготня. Утром – в школу бегом, из школы – на музыку на метро, потом к бабуле на обед и снова бегом на спорт. И никакого права на частную жизнь у меня не стало. Хочется закрыться в своей комнате, а не дают. Серёжка тут как тут – под дверью, с мамой в обнимку.

– Пусти Серёженьку! Вот тебе приятно будет, если перед твоим носом захлопнут дверь?

– Может, и приятно. Может, я только о том и мечтаю, что-бы остаться за закрытой дверью.

– Ну хорошо, мы сейчас пойдём погуляем, а ты пока поиграй. А потом Серёжка придёт и ты ему отдашь его дорогу!

– Его дорогу? Разве она его? Да тут самые интересные детали – из моего набора! И вообще, мне надоело, что Серёжа всё хватает, ломает мои игрушки. Пусть со своими играет!

– Ну хорошо, – подняла брови мама. – Хочешь поделить игрушки – давай.

По тому, как быстро она согласилась, стало ясно, что меня ожидает какой-то подвох.

Мама пошла ко мне в комнату и молча начала собирать со стола разные красивые блокноты, планшет, наушники и песочные часы.

– Это всё моё, – вредным голосом сказала мама. – Забираю. Можешь начинать делить игрушки.

– Ну и забирай!

Я пошёл в комнату брата и под его стенания стал разбирать дорогу. Все старые фрагменты я собрал в коробку и унёс в свою комнату. Потом я сложил в пакет кусочки конструктора, которым нагло пользовался брат, и остатки моей коллекции металлических машинок, каждая из которых уже лишилась колеса, руля или кузова. Само собой, не без помощи Серёжи. Наконец я поплотнее закрыл дверь, прижав её полотенцем, и устроился на полу – строить себе дорогу.

Сначала хныканье брата за дверью усилилось, а потом внезапно стихло. Слышался мамин шёпот и Серёжкин смех. Я заглянул в щёлочку. Мама построила Серёжке маленькую

простенькую дорожку из оставшегося у них набора и показывала, как катать по ней... Вот в чём подвох, понял я, приглядевшись. Паровозики! Паровозики были только в Серёжкином наборе! Старые давно потерялись где-то на даче! И мама всё это сразу поняла и решила мне насолить! Я обиделся ещё больше. Теперь оставалось только два варианта: извиняться перед мамой и Серёжкой, чего мне совсем не хотелось, или сделать вид, что паровозики мне не нужны. Конечно, выбрал я второй вариант. Но ни одна из оставшихся у меня машинок не подходила к дороге, и катать было решительно нечего. Я прислушивался к веселью за дверью и всё больше злился на маму и Серёжку.

С дорогой играть стало неинтересно. Одно дело – играть с папой, совсем другое – одному, да ещё и без паровозиков. Папа был далеко, на работе, паровозики ездили по дороге противного ябеды Серёжи, и я решил скрасить плохой вечер чем-нибудь вкусненьким. Я направился на кухню, делая вид, что не замечаю маму и Серёжу. Взял из холодильника масло, разрезал пополам сладкую булку из тех, что мама покупала для моего худосочного брата, чтобы он «скорее поправлялся», и пошёл обратно в комнату.

Серёжа вскочил с пола и побежал ко мне, вытягивая вперёд руки с паровозиком. «Ещё издеваются», – подумал я и захлопнул дверь перед самым носом брата. В квартире повисла тишина, а через секунду раздался мамин крик. Я быстро открыл дверь и в ужасе застыл на пороге. Паровозик

валялся на полу, а Серёжка часто дышал, набирая полную грудь воздуха для плача. Он протягивал маме указательный палец, с которого капала кровь. Мы с мамой бросились к Серёжке одновременно, но я первым успел подхватить его на руки. Наконец он громко закричал, и мне стало ясно, что произошло. Братец не хотел, чтобы я закрывал дверь, и наивно решил, что у меня ничего не получится, если он просунет в дверную щель руку. По счастью, он успел просунуть только палец, да и тот пострадал не сильно. Мне стало страшно.

– Серёженька, sogni пальчик, – просил я, пока мама металась по квартире в поисках лекарств. Серёжка только ре-

вел. Мама, напротив, молчала. Точнее, она говорила только с Серёжкой, а меня как будто вовсе не было рядом. Постепенно Серёжкины рыдания затихли. Пока мы в четыре руки заливали больной палец перекисью водорода и клеили пластырь с зелёной, братец уже с любопытством заглядывал в мою комнату. Я думал о том, что могло бы произойти, успеет Серёжка просунуть в щель всю руку. Видимо, о том же думала и мама. Серёжка уже бегал по квартире с воинственными криками, время от времени подбегая ко мне и протягивая пораненный палец:

– Бо-бо, Гога!

А мы с мамой всё сидели на полу, не глядя друг на друга. Наконец мама подняла на меня глаза и тяжело вздохнула:

– Гош, давай больше никогда не будем закрывать эту дверь!

– Давай, – ответил я и обнял маму. И мама меня обняла. И заплакала.

– Это я виновата, – вдруг сказала она. – А что делать? Ведь он маленький! Ему не объяснишь!

– Ну что ты! Ведь это я дверь захлопнул! А играть одному совсем не так интересно. Я просто не придумал пока такую игру, чтобы и Серёжка мог со мной... А знаешь... Да пусть себе ломает... – Я махнул рукой в сторону дороги, но мама почему-то снова крепко обняла меня. Она казалась растерянной, как будто не знала, что делать.

Мы ещё сидели так какое-то время и думали – каждый о

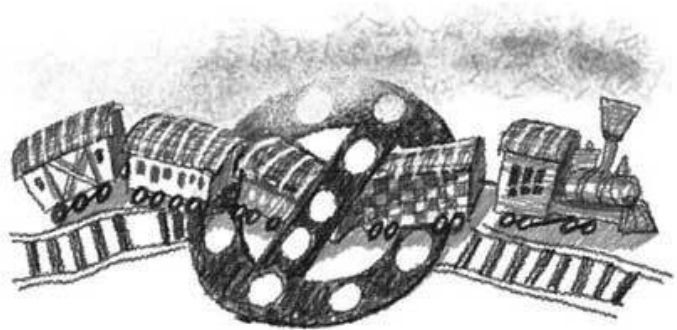
своём, – пока не услышали страшный грохот, доносящийся из кухни. Там Серёжка разорял шкаф с кастрюлями. Я схватил упирающегося брата и потащил к себе в комнату.

– Значит так, Серёжка! Я буду строителем дорог, а ты – подрывником! Если увидишь где-то на дороге слабое место – бей по нему изо всех сил! – И я сам показал, как лучше ломать. Серёжка засмеялся во весь голос.

– Гога, туту-у-у! – Он убежал в большую комнату, вернулся с двумя паровозиками и один протянул мне.

– Глупый ты, Серёжка! Я тебя чуть без руки не оставил.

Серёжка опять засмеялся, да так заразительно, что мне хотелось и дальше его смешить. Я перекувырнулся через голову и начал брата щекотать. И так мы смеялись долго-долго, пока не настало время делать уроки. Я собрал маленькую дорожку, и братец сел катать паровозик. В щёлочку двери то и дело заглядывала мама.

Бесплатный автобус

Вместе с новой школой в нашей жизни появился родительский чат. В прежней моей школе никакого чата не было и родители обсуждали все вопросы по старинке, при встрече.

– Новые технологии изменили мир, – так сказала мама Сесы Овечкина, которая вошла в родительский комитет на первом родительском собрании. – Нам нужно создать родительский чат, тогда мы всё время можем быть на связи!

Родительский чат сразу не понравился моим маме и папе. Во-первых, они совсем не хотели всё время быть на свя-

зи с другими родителями, во-вторых, их телефоны теперь неприятно пищали. В-третьих, родительский комитет получился очень уж инициативный. Кто-то всё время предлагал какие-нибудь жутко оригинальные идеи.

– Дорогие родители! Есть возможность заказать бесплатный автобус для выезда с классом на экскурсию, – объявила в чате Татьяна Петровна, наша классная. – Остаётся только выбрать, куда мы отправимся. Автобус заказываем на двадцать девятое число, это пятница. Жду ваших предложений.

Предложения, конечно, сразу же посыпались как из рога изобилия.

Моя мама, как всегда, неудачно пошутила.

– Давайте поедем в Лондон на этом автобусе, если он и правда бесплатный!

Другие родители предлагали серьёзные варианты.

– Надо съездить на ферму к альпакам! Там что-то вроде зоопарка, есть экскурсия и мастер-класс по обработке шерсти! – написала мама Севы Овечкина.

– Зачем нам мастер-класс? Лучше парк «Воробьи» или Горки Ленинские, – возразила мама Лёни Голубкина.

– Холодно же! – возмутилась мама Севы.

– Как будто на ферме жарко!

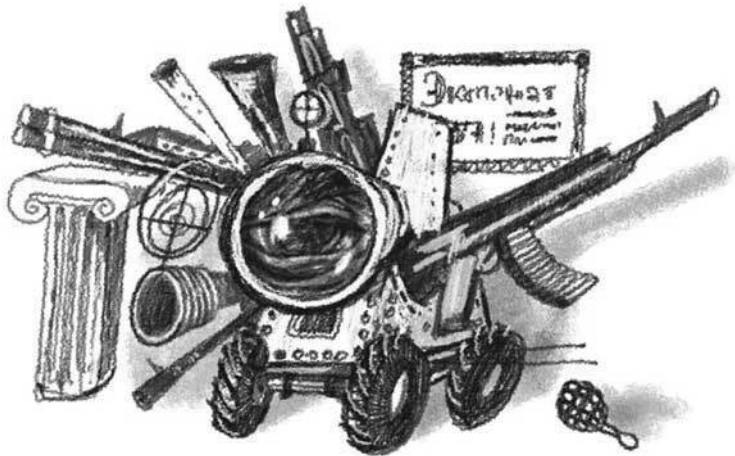
– На Останкинскую башню надо! Вот где интересно! Или Дарвиновский музей посмотреть, – предложила мама Ильи Бессонова.

- В Дарвиновском все были много раз.
- Можно в «Город профессий» или в Кремль!
- В Кремль быстрее на метро доехать, пробки же!
- То метро, а то автобус! Он же бесплатный!
- В пятницу можно и по пробкам, в пятницу спешить некуда!
- Надо чтобы ехать было не больше двух часов, а то дети проголодаются и устанут!
- Не устанут! Они уже не маленькие.
- А почему бы не рассмотреть вариант с классическими музеями? Исторический, например...
- Скучно!
- Ну это кому как.
- Он же в центре... У нашего бесплатного автобуса парковка тоже бесплатная?
- Вы прямо всё хотите бесплатно! Так не бывает!

И вот кто-то предложил экскурсию в музей военной техники. Родители уже устали спорить и начали соглашаться, один за другим. Так и получилось, что весь класс собрался ехать на первую совместную экскурсию туда, куда мне совершенно не хотелось. Я не люблю военную технику. Во время войны от голода погибла моя прабабушка, и дедушка мой остался один. Сам он заработал на фронте всякие болезни, потому и прожил недолго. И второй мой прадедушка тоже воевал и вернулся с фронта с контузией. И когда празднова-

ли у прабабушки Вали 9 Мая, мне всегда было ужасно тоскливо. Каждый год гостей становилось всё меньше, потому что редко кто долго живёт после войны. Я много читал о разных войнах, и вот поэтому-то я не люблю военную технику. Мне бы хотелось, чтобы никакой такой техники не изобретали, потому что ничего хорошего от неё быть не может! Мама с папой тоже про войну говорить не любили и никогда не покупали мне игрушечного оружия, а я никогда и не просил.

– Никогда не наставляй оружие на человека, – говорил мне папа, когда я был маленьким. И чем старше я становился, тем больше был согласен с папой. У нас дома никто никогда не дрался (пока не появился мой драчливый братец Серёжка), об оружии не говорили, парады смотреть не ходили и о войне вспоминали всегда только с грустью. И вот. Первая экскурсия. И весь класс едет в музей военной техники.

– Мам, а что если все ребята собираются делать то, чего я делать не хочу? Как быть?

– Это ты о чём? – удивилась мама.

– Музей техники. Военной. Не поеду!

– Если ты чего-нибудь не хочешь делать и никто не пострадает, если ты этого не сделаешь, имеешь полное право отказаться, – серьёзно сказала мама.

И я решил не ехать. Мама с папой написали об этом в родительский чат.

На следующий день на перемене Татьяна Петровна вызвала меня к себе и спросила:

– Гоша, почему ты не едешь в музей военной техники?

– Не хочу, – неуверенно пробормотал я.

– Может, тебе родители запрещают? – переспросила Татьяна Петровна.

– Нет, не запрещают.

– Ты не понимаешь, это ведь общеклассное мероприятие! Все поедут, неважно ведь в какой музей!

– Почему неважно в какой? – удивился я.

– Потому что это общеклассное мероприятие. Сейчас вы-

брали музей военной техники, а в другой раз, может, физическую лабораторию выберут, – обнадёжила меня Татьяна Петровна.

– Так я в другой раз и поеду, – улыбнулся я, хотя уже понял, что отвертеться от военной техники будет не так просто.

– Может, всё-таки скажешь, почему не хочешь ехать?

– Не люблю военную технику, – покраснел я. – И всё, что про войну, не люблю!

– Наша страна победила, – строго сказала Татьяна Петровна. – Никто не любит войну, но мы гордимся победой и военной техникой гордимся! И потом, это ведь не музей войны, а музей техники!

– А зачем она тогда нужна? – спрашиваю и чувствую, как щёки горят. – Для войны ведь и нужна!

– Ну а если враг нападёт?

Я не знал, что ответить. Если нападёт враг, конечно, военная техника очень нужна. Но мне хотелось, чтобы военной техники не было и у врага. И чтобы дети в той стране, в которой у нас может быть враг, тоже не ходили смотреть военную технику. Потому что умные люди всегда могут договориться и без автоматов. Так папа говорит, и я ему верю. Папа у меня очень добрый. И я знаю: если бы началась война и напал бы враг, вот такие, как мой папа, первыми пошли бы защищать страну, а те, которые так любят военную технику, может, и уехали бы куда-нибудь далеко-далеко и сидели в безопасности. Но всего этого я Татьяне Петровне не сказал.

– Если враг нападёт – тогда да, – тихо проговорил я.

На моё счастье, прозвенел звонок и на классный час стали собираться ребята.

– Какой у нас дружный класс! Двадцать один человек из двадцати двух едет на первое классное мероприятие – на экскурсию! – с улыбкой провозгласила Татьяна Петровна и выразительно посмотрела на меня. Я с ужасом ждал, что кто-нибудь из одноклассников поинтересуется, кто же тот двадцать второй человек, из-за которого наш дружный класс дружен не на все сто процентов. Однако эта мысль никому в голову не пришла. Татьяна Петровна какое-то время рассказывала о том, какие вкусные пирожки продают в буфете музея военной техники и просила нас записать, что с собой нужно взять немного денег на этот буфет. А потом тема как-то сама собой заглохла и мы рисовали осенние пейзажи и говорили об осени.

И я подумал о том, что, если автобус бесплатный, это ещё не значит, что на нём обязательно нужно ехать.

Все сказки только про волка

– Волк! – требует Серёжка перед сном.

Это означает, что он хочет послушать сказку и непременно главная роль должна быть у волка. Таких сказок вообще-то почти нет, но и мама, и папа, и я исхитряемся угодить Серёжке. Первому эта мысль пришла в голову папе. Он рассказал Серёжке сказку про заячью избушку, только вместо зайца в папиной сказке был волк. Доброго волка хитрая лисица выжила из его собственного дома.

Братец был очень доволен.

На следующий день, как только папа пришёл с работы, Серёжка бросился к нему и снова потребовал:

– Волк!

– Давай я тебе про трёх поросят расскажу, – предложил папа.

– Нет, нет, нет! – замотал головой Серёжка. – Волк!

– Ну хорошо, слушай, – сказал папа и сел в кресло, а Серёжка устроился у него на коленях. – Жили-были три волка. Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф.

Я тоже решил послушать сказку, мне было интересно, как выкрутится папа, когда три волка встретят ещё одного.

– Наф-наф! – одобрительно закивал Серёжка и прижался к папе ещё крепче.

– Всё лето волки валяли дурака, а осенью задумались о новых квартирах, – продолжал папа. – Самый серьёзный волк, Наф-Наф, всё агитировал братьев начать строительство, но им было лень, и тогда он решил...

– Взять ипотеку, – вставила мама.

– Ни в коем случае! Он просто начал строить себе дом. И вот, когда совсем похолодало, два других волка быстренько настроили себе домов: один – из соломы, второй – из веток. А умный Наф-Наф к этому времени уже закончил свой огромный каменный дом и поселился там со всеми удобствами.

– Интересно, где он взял столько денег? – спросила мама.

– Вот будешь свою сказку рассказывать – уточнишь все детали, – отозвался папа. – Что там дальше было? В сказке? – обратился папа ко мне.

– Волк пришёл, – захихикал я.

– Ну да... Ещё один очень злой волк захотел... Ерунда получается, – огорчился папа.

– Да нет, почему, пришёл ещё один волк, все домики раз-метал, кроме домика Наф-Нафа. Ну и...

– Ну и что? Почему три волка вдруг испугались одного?

Мы начали спорить, и сказка так ничем и не кончилась.

– Малыш, давай я тебе другую сказку расскажу, – сказал папа.

– Сдался! – хмыкнула мама.

– Посадил дед...

– Волка! – Серёжку было не так просто сбить с панталыку.

– Ну-ну! Придумывай теперь, как дед волка из земли та-щил, – издевался я над папой. – Или волк деда!

– Серёжка, давай тогда про колобка! Там в конце будет волк! – взмолился папа.

– Да! – Серёжка приготовился слушать.

– Жили-были дед да баба.

– Баба! – обрадовался Серёжка, вспомнив любимую сказку про курочку Рябу.

– Захотел дед поесть, а дома ничего нет, вот как у нас... –

Папа с укоризной посмотрел на маму. Мама пожала плечами

и уютнее расположилась в кресле с ноутбуком. – Вот и просит дед бабу: «Испеки мне, бабу, колобок». Это пирожок такой круглый.

– Булка! – уточнил Серёжка.

– Ну пусть будет булка. Бабу наскребла муки и выпекла булку.

– Баба била-била. – Серёжка скакал на папиных коленях, изображая, как баба била колобка.

– Серёжка! Это из другой сказки! Баба била яичко! И не разбила, между прочим! Ты вообще про волка будешь слушать?

– Да, волк! – Серёжка затих.

– Ну вот, испекла она эту булку, положила на окошко простынуть.

– Кхе-кхе, – закашлял Серёжка, услышав про «простынуть».

– Не простыть, а простынуть! Значит остывать, чтобы не была булка слишком горячей.

– Мы-ы-ы-ышка! – вспомнил Серёжка и показал, как мышка бежала и махнула хвостиком.

– Ты меня не путай! Мышки в этой сказке нет!

– Яи-и-и-и упа-а-а-ало! – Серёжка сделал грустное лицо и развёл руками.

– О чём это он? – удивился папа.

– Яичко упало и разбилось, – подсказал я.

– Не понимаю, почему он не хочет про колобка! Серёжка! Ты послушай немножко ещё, и будет волк!

Но Серёжка больше не хотел слушать сказку не про волка. Он махал руками и капризничал.

– Я думаю, сказки надо заранее придумывать. Так, чтобы волк прямо сразу появлялся и чтобы вся история была именно про него.

– Вот ты и займись! Ты же хочешь быть писателем, – вспомнила мама.

– И займусь! Мне на Серёжку времени не жалко.

Я работал почти всю ночь. Все известные мне сказки переписал по-новому. В первой девочка-волчица носила красную шапочку и повстречала волка в лесу, во второй сразу семь волков строили теремок, в третьей злая лиса уносила бедного волка за тёмные леса и за высокие горы. Пробовал

переделявать и стихи, но тут дело пошло хуже. Поэты, к сожалению, не предусмотрели возможности менять героев одного на другого, не испортив рифму... Если бы я был детским поэтом, уж я бы был умнее, конечно. Только Самуил Яковлевич Маршак оказался молодец. Его «Сказка о глупом мышонке» легко переделявалась в «Сказку о глупом волчонке». Получился у меня целый сборник. Весь следующий день я с нетерпением ждал вечера, чтобы сесть с Серёжкой в кресло и почитать ему наконец-то именно те сказки, которые он хочет услышать.

Домой после школы и музыки я бежал со всех ног.

– Ну что, Серёжка! Сказки готовься слушать!

– Да! – улыбнулся братец и забрался ко мне на колени.

– Итак, все сказки – только про Волка! – объявил я и открыл свою тетрадь сказок.

– Нет, Гога! Не волк! – протянул братец жалобно.

– Как это не волк? Серёжка! Ты так не шути!

– По Кота-а-а-а!

– Про Кота? – ужаснулся я.

– Да, Гога. – И Серёжка обнял меня и приготовился слушать.

Зависть

Когда мама и папа были маленькими, всякие хорошие вещи нельзя было просто так купить в магазине. В магазинах вообще мало что можно было купить. Мама росла без зарубежных игрушек, играла только в те, которые производились в СССР – так называлась раньше наша страна. Папе в детстве повезло больше: его родители часто бывали на научных конференциях в далёких странах и привозили ему оттуда всякие штуки, которые вызывали зависть у папиных однокласс-

ников. Вообще, в мамином и папином детстве все друг другу немного завидовали. Потому что завидовать – это что? Завидовать – это когда тебе хочется того, что есть у другого. А получить ты это никак не можешь. Вот и злишься на того, у кого это «что-то» есть.

Словом, интересно было жить в мамином и папином детстве. Всегда было о чём мечтать! Мама мечтала о какой-то кукле со сгибающимися ногами, которую можно было привезти только из Америки. Одна женщина привезла такую и предложила маминой бабуле отдать за старинное собрание сочинений какого-то французского поэта. А бабуля отказалась меняться. И мама, мне кажется, до сих за это на бабулю обижается.

Папа мечтал о еде. Он всегда любил вкусное, и как раз когда ему было столько же лет, сколько мне сейчас, в ларьках у метро начали продавать шоколадные батончики с разными вкусами. И папа мечтал съесть их все! И если какой-нибудь богатый мальчик из папиного класса ел такой батончик, папа ему завидовал. И даже если богатый мальчик ел яблоко и не доедал его до огрызка, папа расстраивался, что это яблоко – не его. Уж он бы и огрызок доел, вместе с косточками! Только ножку-веточку бы оставил. Но сначала, конечно, облизал бы.

Мама ещё мечтала о красивых блокнотах, ручках, а главное – о пенале на молнии. И чтобы внутри были отделения для ручек, карандашей, линеек и ластика с точилкой. Но у

бабули тогда было очень мало денег, она воспитывала маму совсем одна, без всякой помощи. И пенала у мамы не было. И тогда мама сделала себе пенал из пакетика с красивой картинкой. Учительница отругала её при всём классе за то, что пакетик шуршал и выглядел не слишком опрятно.

– Что это такое? Заведи себе нормальный пенал, – сказала учительница.

Мне мама с папой, и обе бабушки, и прабабушка покупали всё, что когда-то хотели сами. У меня всегда было несколько пеналов, очень много игрушек и разных красивых блокнотиков. Я ел сколько угодно шоколадных батончиков, пока у меня не началась аллергия на шоколад. Но всё это не делало меня счастливым. Когда нужно было решать, что выбрать в подарок на день рождения или на Новый год, я никогда не мог придумать что-то по-настоящему интересное. Иногда я думаю о том, что мечтать мне совсем не о чем, и от этого становится ужасно грустно.

Но что такое зависть, я всё-таки узнал.

Лёня Голубкин круглый отличник, как и я. Но не просто отличник. Он всегда делает все задания чуть лучше остальных отличников. Он никогда не опаздывает в школу, не забывает сменку и физкультурную форму. Домашку он записывает очень аккуратно, а ещё у него в тетрадях нет грязи, и ему никогда не снижают оценки за помарки, потому что никаких помарок у Лёни Голубкина тоже нет. Я сижу с Лёней за одной партой на математике и на географии. И каждую математику и каждую географию я страшно завидую Лёне, который легко и красиво выводит буквы и цифры в своих

аккуратных тетрадах. Какой же беззаботной и радостной казалась мне Лёнина жизнь!

Как-то после уроков мы вышли из школы, и Лёня почему-то пошёл вместе со мной, хотя обычно он сворачивал от крыльца в другую сторону. Я не удержался и спросил:

– Слушай, я тобой прямо восхищаюсь! Ты никогда ничего не забываешь, уроки делаешь так аккуратно!

– Ну и что? Это потому, что со мной мать их делает. До ночи сидим, – сморщился Лёня. – Лучше скажи, ты свой арбуз прорастил?

На биологии нам месяц назад задали что-нибудь прорастить – пшено, фасоль или арбуз. Все выбрали пшено или фасоль, а я решил прорастить арбуз, тем более что у нас в холодильнике ещё с лета полно арбузных косточек валялось – хоть плантацию разводи. Я взял косточку, завернул её в марлю и каждый день поливал. Только ничего у меня не проросло. И весь класс знал, что я единственный, кто взялся за этот дурацкий арбуз.

– Ничего не вышло, – пожал я плечами.

– А что делать будешь? Послезавтра уже в школу нести...

– Ещё не знаю. Попрошу папу съездить в цветочный магазин – может, найдёт что-то подходящее.

– Пророщенный арбуз... Вряд ли, – с сожалением посмотрел на меня Лёня.

Мы попрощались, и Лёня пошёл к себе домой, а я – к себе. Только мне показалось, Лёня выбрал на этот раз какой-то

длинный маршрут.

* * *

Я шёл и думал о Лёне. Представлял его и его маму в их чистой, аккуратно убранной квартире, заполненной пророщенным пшеном и фасолью. В моём воображении Лёнина мама нежно гладила его по голове и помогала делать уроки. Я сжимал кулаки от зависти.

Стоит ли говорить, что мои родители никогда не помогали мне с уроками, наоборот, если я просил помочь, они только портили всё дело. Никаких правил они не знали наизусть, изредка папа помогал сделать какой-нибудь особенно важный доклад по истории или географии, но помогал он больше советом... А совет на хлеб не намажешь и в доклад не вставишь...

Мама помогала заучивать французские слова, но я от этого только расстраивался, потому что мама передразнивала меня, когда я неправильно произносил какие-то звуки.

– Мам! Помоги мне сегодня с уроками! – крикнул я с порога.

Вместо мамы мне навстречу выбежал Серёжка в одних колготках и обхватил меня за ноги.

– Гога!

– Когда уже ты научишься нормально говорить, Серёжка, – вздохнул я.

Мама вышла следом за братом, подняв указательный палец. Это всегда означает, что мама о чём-то важном задума-

лась и нельзя задавать ей вопросы, иначе она всё забудет.

Наконец она опустила палец.

– Привет! Что ты там кричал?

– Я не кричал, а просил! Помоги мне с уроками!

– Гоша, – жалобно протянула мама, – ты же такой взрослый и такой умный! Ты и сам прекрасно справляешься.

– Вот и нет! Сегодня особенно трудное задание по литературе!

– Ну давай, – без энтузиазма сказала мама, – давай свою литературу. Что там у тебя?

– Нужно сделать пересказ текста и определить его главную мысль. Текст про охотника. Сложный!

– Ничего сложного не вижу.

– Мам, моим одноклассникам родители с уроками помо-

гают! А тебе вообще на меня наплевать!

Мама как будто испугалась и сразу прижала меня к себе.

– Ну что ты говоришь! Не наплевать мне! Просто ты же умница.

– Может, я сегодня тройк схватил!

– Сильно расстроился?

– Да не схватил я! Но мог бы. А ты не спросила!

– Ты бы мне сам рассказал.

– И что? Тебе же всё равно!

– Ну почему? Мы бы с папой тортик купили, отметили бы твою первую тройку! – улыбнулась мама.

– Тебе бы всё смеяться, – буркнул я.

– Ладно, давай уже свой текст про охотника. – Мама поспешила сменить тему.

Я нашёл текст в учебнике и прочитал его маме вслух. Она всё норовила отвлечься. Сначала делала вид, что очень увлечена приготовлением обеда, которой состоял из сосисок с огурцами. Потом начала одним глазом поглядывать в сторону интересной книжки, которую она читала уже несколько дней в любую свободную минуту. Открытая книжка лежала на подоконнике.

– Мам, ты хоть слушаешь?

– Конечно. – Она отозвалась не сразу.

– Ну и почему охотник не застрелил зайца?

– Потому что не захотел! Это был добрый охотник, – на ходу придумала мама, и стало ясно, что ничего она не слу-

шает.

– Ничего подобного! Охотник его не застрелил, потому что заяц на него смотрел так, как будто хотел сказать: «Не стреляй в меня».

– Ну и я о том же! Хороший охотник, жалостливый!

– Ну хорошо, задай мне вопросы по тексту.

– Как звали зайца? – сразу спросила мама.

– Мам!

– Извини, я задумалась. Где заяц встретился с охотником?

– А какие здесь могут быть варианты?! В концертном зале встретились!

– Где? – удивилась мама.

– В лесу! Где ещё они могли встретиться!? Ты мне по сути задавай вопросы!

– Хорошо. Что это за книжка про говорящего зайца?

– Всё с тобой ясно. Ты меня не слушала. Заяц ничего не говорил, он говорил «как будто»! То есть это охотнику показалось, что говорил, а на самом деле он молчал!

Я захлопнул книжку и ушёл в свою комнату. Мама побежала за мной.

– Гоша, извини, пожалуйста! Ну давай, прочитай мне ещё раз про своего зайца!

Тут у мамы зазвонил телефон, и она совсем забыла и про меня, и про зайца, и про охотника.

На следующий день я по литературе получил пятёрку. Хо-

рошо пересказал про зайца. На биологию все, кроме меня, принесли пророщенную пшеницу, но, на моё счастье, заболел биолог, и на замену нам поставили музыку. А вот по музыке всему классу вlepили пары.

Наша учительница, Нимфа Петровна, – очень нервная. Её пугают разные звуки. Ещё неделю назад она минут пятнадцать отчитывала Алёну Забежинскую за то, что у неё слишком громкая молния на пенале. А тут на уроке кто-то закрипел линейкой по столу. Нимфа Петровна долго ходила по классу, искала, кого за это наказать. Но линейек на столах ни у кого не нашла, все сидели тихо, поэтому она всему классу в журнал поставила двойки – в профилактических целях. Вроде бы двойки были не настоящие, а за поведение и потому до электронного журнала дойти не должны были, но до конца урока мы сидели очень тихо, стараясь не двигаться, чтобы нечаянно не зашуршать.

* * *

Из школы мы выходили с Голубкиным, и он снова пошёл в мою сторону.

– Слушай, – вдруг спросил меня Лёня на повороте, – а можно я к тебе зайду?

– Ну... Заходи, – неуверенно отозвался я.

– Понимаешь, если в электронном дневнике всё-таки появится эта пара по музыке, мне крышка. Не хочу в такой момент быть дома.

– А у тебя и дневник проверяют? – снова позавидовал я.

– Ещё как... – нерадостно отозвался Лёня.

– Мама ругать будет? – догадался я.

– Убьёт, – мрачно ответил Лёня и погрузился ещё больше.

– Громко кричит?

– Лупит, – опустил глаза Лёня и покраснел.

Я не знал, что ему ответить. Меня дома никогда никто не лупил. Если не считать Серёжку, он-то меня лупит регулярно, но это совсем другое... Так мы и шли молча, глядя под ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.